

неославянофильства остается характерной для большинства современных западных работ.

Евразийство критиковали не только с политологической точки зрения (правой или левой), но и с точки зрения религиозно-философской. Среди критиков евразийства в первую очередь следовало бы назвать тех представителей русской мысли, которые развивали в эмиграции идеи русского религиозного ренессанса начала века. Они отвергали политизированность и идеологизированность евразийской программы, упор на анализ государства и государственно-политических структур, преимущественный интерес к государственному строю России — настоящему и будущему — и вообще явно выраженный этатизм концепции. Наиболее активным противником выступал здесь Ф. А. Степун. Критиковали евразийство с позиций религиозных философ Н. А. Бердяев, богослов Г. В. Флоровский, литературовед П. М. Бицилли. Журнал «Путь», орган русской религиозной мысли, редактируемый Бердяевым, в частности упрекал евразийство в недооценке универсальности православия. Евразийская доктрина была в глазах Бердяева проповедью культурного изоляционизма и партикуляризма. В 1925 г. развернулась яростная атака Бицилли на Льва Карсавина, одного из наиболее блестящих умов в стане евразийства.

Для Карсавина католицизм как одна из основ западного мирозерцания был своего рода ересью. Эти идеи он развивал и в цикле лекций руководимого им в Париже евразийского семинара под общим названием «Россия и Европа», и в отдельных своих трудах [44, 45]. Позиция Карсавина вызвала резкую отповедь Бицилли, утверждавшего, что в таком случае надо считать еретиками и Франциска Ассизского и Паскаля [46].

Вообще следует отметить, что проблема России и западного латинского мира была одной из ключевых проблем евразийской историософии и философии. В 1923 г. в евразийском книгоиздательстве в Берлине выходит сборник статей «Россия и латинство», где сталкиваются две позиции и два взгляда на Россию; католичество и экуменизм, призыв к вселенскому единению церквей (статьи Бицилли «Католичество и римская церковь», Каргашева «Пути единения», Флоровского «Два завета»), с одной стороны, и защита православия как органической стихии русской жизни и русской идеи (статьи Савицкого «Россия и латинство», Трубецкого «Соблазны единения», Ильина «К проблеме литургии в православии и католицизме») — с другой.

Однако было бы неверным думать, что радикальная антизападная позиция и программа евразийства вызвали только негативные отклики. Напротив, у нее оказалось множество сторонников. И в стане монархистов, и в кругу православного духовенства у евразийства были самые горячие приверженцы. Так, постоянным участником евразийских семинаров в Брюсселе (1926—1927 гг.) были настоятель Бельгийской православной церкви о. Петр Извольский, председатель Брюссельского монархического объединения А. Гладков и ряд других. Протоирей Вас. Зеньковский, читавший в Праге цикл докладов на тему «Идея православной культуры и евразийство» и разделявший установки евразийства, не видел принципиального разногласия между евразийством и православием, ибо в основе государственной концепции евразийства как раз и лежала идея идеократического государства, осененного религией православия. Тот же Ф. А. Степун весьма сочувственно относился к евразийской критике европейского Запада, замечая однажды, что заимствованные с Запада социалистические идеи привели Россию к беспримерному унижению и, пережив такой опыт, практически невозможно противостоять евразийским настроениям [47]. Не будучи участником евразийского движения, Ф. А. Степун тем не менее предсказывал евразийским идеям большое будущее, безоговорочно утверждая, что они всецело отвечают духу времени.

Следует отметить также, что критика евразийства носила в общем весьма локальный характер, затрагивая лишь отдельные положения его концепции; зачастую она была и просто односторонней. Таков, к примеру, бердяевский тезис о недооценке евразийством православия. Между тем идеологи евразийства как